

В. И. Беликов

**Языковая политика в топонимии
как воспитание чувств
и ее отражение в справочных изданиях
как зеркало государственных эмоций**

Для начала требуется пояснить неожиданный термин *государственные эмоции*. В качестве субъекта эмоций и чувств психологи называют человека и животное, то есть конкретную особь, при этом указывается, что чувства человека *обусловлены культурно-исторически*. Однако любые свойства особи как таковой есть результат либо наследственности, либо индивидуального опыта, а все, что претендует на культурно-историческую обусловленность – результат коллективного опыта, приобретенный индивидом в процессе инкультурации в конкретный социум. Кроме того, ясно, что *всенародная любовь, всенародное осуждение, всенародное торжество* и даже *«чувство глубокого удовлетворения»* (если понимать это словосочетание как термин советской эпохи) уже самой формой указывают на несвойственность индивиду, это характеристики эмоциональной сферы социума. Мироззрение, идеология формируются, в том числе, и с опорой на эмоциональные переживания. В ситуации целенаправленного формирования мироззрения субъект этого процесса – государство – осознанно воздействует и на эмоциональную сферу. Разумеется, вдохновители и организаторы общественных эмоций – это, в конце концов, те же частные индивиды, только облеченные властью, которая и служит рычагом, способствующим трансляции индивидуальных эмоций в социум, а далее – в сферу

индивидуального каждого конкретного человека. Но индивид одновременно соотнесен с многочисленными социумами, в рамках каждого из которых этические и эстетические принципы *обусловлены культурно-исторически*, так что результат государственного вторжения в индивидуальную эмоциональную сферу прогнозировать трудно. Налицо сложный диалектический процесс, изложенный здесь крайне схематически.

Государственные эмоции достаточно отчетливо проявляются в официально одобренных текстах. Многие издания при публикации конкретных текстов делают оговорку: «точка зрения автора не обязательно совпадает с мнением редакции». Не то в изданных государством энциклопедиях: там несовпадение изложенной точки зрения с официальной – редкий курьез, подлежащий немедленному исправлению. Представляя 2 июля 2000 г. «Российский энциклопедический словарь» слушателям «Радио России», председатель научно-редакционного совета издательства, покойный академик А. М. Прохоров, сказал: «Новый словарь очищен от многих идеологических наслоений». И это правда: очистить идеологию от *наслоений* прошлого — святая обязанность издателей такого рода текстов. Но без идеологии государственная энциклопедия невозможна, как увидим ниже, она невозможна и без эмоций.

Переименования топонимов, как правило, эмоционально мотивированы, за ними скрывается стремление изменить ассоциативные связи старого топонима, или, если такие связи отсутствовали, привнести их, придать имени собственному эмоциональную окраску. При обсуждении переименований часто говорится о «неблагозвучии». Неблагозвучие может быть чисто фонетическим, «некрасивость» звукового набора, как правило, связана с труднопроизносимостью, непривычностью фонотактики. Такие неблагозвучия в направленных изменениях не удаются, поскольку быстро преодолеваются, неважно, появились ли они в ходе исторического развития самого языка или же оказались «навязанными» ему¹. Фонотактически приемлемый звуковой сегмент (свой по происхождению или чуждый) может быть полностью десемантизированным, но может исконно иметь или приобрести со временем ассо-

¹ *Дьбряньскъ* (от *дебри*) после падения редуцированных стал *Брянском*, заложенный в 1703 г. *Ораниенбург* в обиходе сразу же стал называться *Ранен-*

циативные связи в лексической системе языка. А ассоциации – это уже эмоции. Степень ассоциативности (и, тем самым, степень эмоциональности) зависит от множества обстоятельств.

Если внутренняя форма топонима прозрачна, она может оказаться семантически стертой, и ее положительная или отрицательная эмоциональная окраска, даже, «объективно» говоря, ярко выраженная, перестает восприниматься теми, кто этим топонимом постоянно пользуется; утрачивает «семантическую свежесть», но не исчезает. Большинство жителей России привыкли к существованию города Орла, большинство москвичей – к метро «Сокол», но, узнав, что в пределах муниципальной границы областного города Кирова расположены слобода *Орлы* и деревня *Гуси*, многие если не удивятся, то хотя бы отметят про себя их экзотическую «орнитологичность». С появлением глагола *ширяться* новую и достаточно эмоциональную интерпретацию получает стершаяся семантика многочисленных населенных пунктов *Ширяево* (только в Московской области их не менее пяти: в Волоколамском, Клинском, Наро-Фоминском, Раменском, Шатурском районах). Нет предела восторгу проезжающей на электричке молодежи, которая вслед за *Люберцами* (ассоциирующимися теперь с *люберами*) видит за окном название платформы *Панки* (исконное ударение здесь на втором слоге, но *Пбнки* распространяется и среди тех, кто с этим топонимом давно знаком).

При одном и том же круге ассоциаций знак эмоции может со временем меняться на обратный. Напомню два хорошо известных примера. В XVI в. речка с непонятным названием *Сары-Су* (тюрк. 'желтая вода') стала *Царицей*, а основанный при ее устье город – *Царицыном*, в XVIII в. столь же неинформативное *Сарское село* (от финск. *saari* 'остров', в данном случае возвышенное место на плоской равнине) – *Царским Селом*. Эмоция, вложенная в реинтерпретацию иноязычных назва-

---

бургом, что в 1779 г. закрепилось официально (с 1948 г. — *Чаплыгин*), фонетически сходный *Ораниенбаум* в 1948 г. переименован в *Ломоносов*, но его народное название *Рамбов* живет и последнее время широко эксплуатируется (магазин «Рамбов», ресторан «Рамбов», газета «Диа-Рамбов», и даже официальный сайт города Ломоносова имеет адрес *rambov.com.ru*).

ний, была положительной: *царское* – значит ‘хорошее’. Но в XX в. оба названия были заменены как ассоциативно отрицательные².

Тут надо отметить относительность понятия «неблагозвучие»: скажем, город *Пропойск*, переименованный по этой причине в 1945 г. в *Славгород*, в летописях известен с 1136 г. и назывался *Пропошеском*, *Прупуем* и *Ропейском* (предполагается, что название связано с рекой *Проней*, при впадении которой в Сож расположен город; по мнению В. А. Жучкевича, первичной формой названия реки могло быть *Пропоша*, *Пропоя*) [Жучкевич 1968:73]. Ко времени вхождения в состав Российской империи (1772, «Первый раздел Польши») за ним уже твердо закрепилось название *Пропойск*, почему – непонятно, но вряд ли из стремления к неблагозвучности. Екатерину II, первую из отечественных монархов целенаправленно занявшую искоренением неблагозвучных топонимов, это именование не смутило, хотя Пропойск она посещала, и даже, вроде бы, изволила собственноручно вырезать на местном дубу вензель Е II, который сто лет назад еще сохранялся (подтвердить этот факт авторитетной ссылкой не могу). Другой пример – современная речка *Малодельня*, впадающая в Москву-реку у села Каринского (Одинцовский район); это название можно было бы счесть нейтральным (что ж с того, что *мало делает*), если бы еще с XVII века она не была известна как *Молодильня* — именование явно позитивное, намекавшее на неординарные свойства ее вод. С чем связана смена гидронима, вряд ли можно установить, но перемена явно не в сторону благозвучия³.

Однозначно неприемлемые на нынешний взгляд названия на современной карте отсутствуют, но в документах XVII в. и более раннего времени они достаточно обычны. При этом довольно частотна двуимён-

² *Царское Село* поначалу стало *Детским Селом*. Н. С. Гумилев отозвался на переименование вполне эмоционально, эмоция, правда, касалась не топонима, а власти: *Не Царское Село — к несчастью, / А Детское Село — ей-ей! / Что ж лучше: быть царей под властью / Иль быть забавой злых детей?* [Собр. соч. в 4 т. М.: Терра, 1991. Т. 2: 202].

³ Сейчас в Подмосковье есть другая Молодильня — левый приток Малой Истры, она, по данным истринских краеведов, называлась прежде Молоделкой [http://www.istra.ru/opus5.html].

ность, ср.: *деревня Мантурово, Голохуево то ж, деревня Манная, а Мандиха то ж; деревня Ивановское, и Пиздино то ж, займище Хуево, Курово то ж* (эти пункты упоминаются в фондах Поместного приказа РГАДА, за информацию приношу благодарность А. И. Гамаюнову). Любопытен последний упомянутый топоним: второе именование, *Курово займище*, возможно, немногим пристойнее первого и имеет эвфемистичный характер (ср. *кур* в значении 'penis' в южнославянских языках), хотя в современных русских диалектах этот эвфемизм, кажется, не встречается⁴. Показательно, что этот «дважды непристойный» дублет относится к займищу (заливаемой в половодье части речной поймы), а три другие из перечисленных выше – к населенным пунктам. Можно думать, что там дублетность связана с противопоставлением эндо- и экзотопонимии: сами жители называли свою деревню *Манной*, а их соседи – *Мандихой*.

Конечно, среди любых именовании, в том числе и неблагозвучных, преобладали бездублетные. Во владельческих угодьях их появление и последующая судьба не могла не зависеть от позиции владельца. Сколь бы то ни было детальное исследование этого вопроса в масштабах России — дело вряд ли осуществимое, но факты говорят, что в середине XIX в. все еще встречались топонимы, в наше время абсолютно невозможные. Так, по данным на 1859 г., кн. Василий Петрович Голицын по прозвищу Рябчик (1800—1863) владел относительно небольшим (238 душ) имением в Кологривском уезде Костромской губернии, состоявшем из двух деревень: *Хуево* и *Студенец* (см. страницу в Интернете «Земельные владения рода Голицыных» <http://www.vgd.ru/G/golicyn.doc>)⁵.

---

⁴ Довольно многочисленны населенные пункты *Кэрово* (в Московской обл. не менее пяти), немногим реже встречаются *Кэровщина, Кэровское, Куровскуе*; удачных этимологий они не имеют. Подмосковный город *Куровское*, например, этимологизируется от фамилий *Куров* или *Куровской*, известных по документам XVI—XVII вв., но происхождение самих фамилий не указывается [Поспелов 2000].

⁵ Будучи действительным статским советником и камергером, а также харьковским уездным предводителем дворянства, В. П. Голицын вряд ли жила в отдаленном костромском имении.

Стоит, однако, подчеркнуть, что, чем глубже мы удаляемся в историю, тем менее пригодными оказываются наши мерки при оценке степени табуированности подобных именовании. Вполне очевидно, что в пределах церковных владений нет места названиям, непристойность которых очевидна. Но вопрос в том, кому очевидна: нам или нашим предкам. Звенигородские краеведы сообщают: «Первое упоминание о деревне Сергиево находим в писцовой книге 1558 г. при описании вотчины Савво-Сторожевского монастыря села Каринского. Читаем: „Тово же села деревни: деревня Болванниково Сергееве на Ненаебухе. Пашни 120 четей в поле, в дву по тому же, земля худа. Сена 70 копен“» [<http://www.zvenigorod.ru/geo/settlements/17/0601.htm>]. Та же речка с тем же именем встречается при описании монастырских владений и позднее: «всякия угодыя к той пустоши написал по речке Молодильне до усть речки Ненаебухи» [РГАДА, Ф. 125 «Монастырские дела». Оп. 1. 1687 г. Д. 26. Л. 7, сообщено А. И. Гамаюновым] — по крайней мере 130 лет гидроним использовался в официальном монастырском контексте, вряд ли и миряне чурались топонимов, иже и монаси приемлют. На современных картах [см., например, <http://mapn37.narod.ru/map1/in37002.html>] *Ненаебуха* называется *Разделькой* и впадает при селе Сергиеве в упоминавшуюся выше *Малодельню*.

Несмотря на длительную «чистку» неудобопроизносимой топонимии, в сельской России и по сию пору немало географических названий, которые многими носителями русского языка воспринимаются как грубо вульгарные. В Подмосковье межрайонные автобусные маршруты Зарайск–Озёры и Луховицы–Кашира проходят через малопрстойное *Солопово* и довольно сомнительные *Мендюкино* и *Пронюхлово*. В Дмитровском районе есть *Драчево* и *Дрочево*, в Лотошинском – *Курвино*. В г. Кирове в пределах городской черты находится более 170 сельских поселений (деревень, слободок, поселков), среди них немало таких, что не всеми будут восприняты как удобные к проживанию: *Бздюли*, *Блохи*, *Бобыли*, *Булдаки*, *Дряхловщина*, *Дуркино*, *Кобели*, *Колпаки*, *Соски*, *Чуркино*, *Чучи* и т. п. (см. список почтовых индексов г. Кирова — <http://www.postindex.otrok.ru/43/2.html>).

Почему же эти имена живут? Не по-хорошему мил, а по-милому хорош: не исключено, что кто-то гордится своим статусом мендюкинца или бздюляка, а сторонники замены топонима оказываются в меньшинстве. В начале 2005 г. во многих СМИ прошла информация о единодушном желании жителей села Лохово Черемховского района Иркутской области переименовать свою «малую родину»; показателен один из заголовков: «Кому нужна такая родина» («Время новостей», 14.02.05). Но показательно и другое: почин этот пока не встретил последователей, хотя в Черемховском районе, кроме упомянутого села Лохово (почтовый индекс 665433), есть еще деревня Лохово (индекс 665432), в Усольском районе той же Иркутской области тоже есть свое Лохово, два Лохова в Тверской области (в Торопецком и Осташковском районах), еще одно – в Каргопольском районе Архангельской области и т. д. Видимо, тамошние лоховцы лохами себя не считают и вместе с козельчанами~козельцами, петушинцами~петушковцами⁶ и многими другими гордятся именами своих поселений.

* * *

Бульшая часть новых топонимических наименований советской эпохи и почти все переименования так или иначе затрагивали эмоциональную сферу. Их типология отчетливо видна на примере сельских поселений⁷. Названия заменялись либо по «общекультурным» основаниям (1-а, 1-б), либо в соответствии с новыми социальноориентированными оценками (2-а, 2-б). Новые именованья могли быть эмоционально нейтральными (1-а, 2-а), но чаще привносили «положительные» идеологические аллюзии (1-б, 2-б):

1а: *Блевачи* → *Прибрежная*, *Долгий Помет* → *Новоселы*, *Дураково* → *Дуброво*, *Елдиха* → *Юрьевка*, *Малафеевичи* → *Вишня*, *Мямли* → *Морозовцы*, *Подонки* → *Знаменка*, *Свинолупы* → *Ромашкино*.

---

⁶ Словарь Е. А. Левашова [2000] дает дублетные варианты для названий жителей Козельска (Калужская обл.) и Петушков (Владимирская обл.).

⁷ Эти и нижеследующие переименования сельских населенных пунктов приводятся по Е. М. Поспелову [1993:173-185], где они даны с административной привязкой.

16: *Бордели → Искра, Вшивка → Свобода, Гольтяпино → Свобода, Дрочилово → Гагарино, Лукоеды → им. Кирова, Малое Сукино → Пионерское, Могиловка → Чапаев, Свинолуповка → Первое Мая, Чертовщина → Парижская Коммуна.*

2а: *Монастырь → Сосновец, Поповщина → Рябиновка, Столыпино → Междуречье.*

2б: *Америка → Советская, Князи → Вторая Пятилетка, Панский Яр → Червоный Яр, Покровское → Великооктябрьский, Северобоярское → Ленинское, Столыпино → Комсомольский, Царевская → Краснознаменная, Церковщина → Октябрино.*

Довольно многочисленны переименования нейтральных названий в «социальноположительные» (*Перово → Партизанское, Подпесочный → Буденновский, Жулябино → Чапаево, Демьяновка → Ленинское*), заменяются и такие нейтральные, которые в новом социальном контексте могли представляться клерикально или монархически маркированными: одна *Поповка* стала называться *Ленино*, другая — *Первомайск*, как минимум два разных *Романова* переименованы в *Ленино* и т. п. Переименования типа *Александровка → Милютино* или *Макарово → Каменка*, выглядящие нейтральными⁸, единичны. Небольшое число новых мемориальных названий может восприниматься как отрицательно маркированные (ср. *Потижский острог → Усыскино* в Мордовии⁹).

Существенно отметить, что лишь в немногих случаях переименований, связанных с «неблагозвучием», можно предполагать «эмоциональное единодушие» в оценке заменявшегося топонима, но и здесь новое именование вряд ли принималось всеми с однотипной эмоцией. В большинстве же случаев эмоциональная оценка принадлежала государству, и примеры неприятия официальных переименований (то есть —

⁸ Именно выглядящие, поскольку в большинстве случаев остается неизвестным, кем были конкретные Милютин или Макаров.

⁹ Новое наименование — в честь Ильи Давыдовича Усыскина (1910-1934), сейчас мало кому известного члена экипажа стратостата «Осоавиахим-1», разбившегося в 1934 г. в районе этого села. Фамилия этимологизируется от деревни *Усыса/Усыска* или от давшей ей название реки *Усыса* (левый приток Оболи, север Витебской обл. Белоруссии).

рекомендуемых властью эмоций) многочисленны. Впрочем, СССР был довольно обширной страной, и, несмотря на очевидность эмоций в отношении старого режима и его защитников, на периферии топонимической части словаря могли довольно долго торжествовать явно табуированные мемориальные наименования, напоминавшие о тех, кого давно расстреляли: остров *Колчака* в Пясинском зал. у берегов Таймыра дожил до 1937 г. (→ о. *Расторгуева*, в 2003 г. в связи со столетием открытия острова ему было возвращено имя Колчака), а поселок *Велико-Алексеевский* в Узбекистане (назван в 1916 г. в честь цесаревича Алексея) сохранял первоначальное название до 1963 г. (переименован в *Бахт*). Надо думать, среди посвященных эти именованья либо были эмоционально немаркированы, либо и вовсе оценивались положительно: найдись среди них хоть один, вдохновившийся официально рекомендованной эмоцией, названия бы не держались десятилетиями.

Как известно, знак при официальной эмоции советской власти мог меняться с положительного на отрицательный, что отражалось на топонимии. Пока Л. Д. Троцкий был вождем пролетариата, всенародная любовь к нему выразилась в переименовании *Гатчины* и *Иващенкова* в *Троцки*, но с переходом от любви к презрению и ненависти они были переименованы в 1929 г. в *Красногвардейск* и *Чапаевск*¹⁰ (Гатчине исконное название было в 1944 г. возвращено). В т. 8 первого изд. «Малой советской энциклопедии» (1931) официально рекомендуемые эмоции по отношению к Троцкому вполне отчетливо выражались в развернутых статьях **Троцкизм** (более 4 столбцов) и **Троцкий** (более 2 столбцов). Там же имелась лишенная эмоций статья **Троцк**: «1) б. Гатчина, теперь Красногвардейск (...) 2) Прежнее название города *Чапаевска* (см.)».

Со временем страсти поутихли, эмоции поостыли. Ненавистный в недавнем прошлом Троцкий стал вызывать скорее брезгливость, троцкизм же внушал не столько ненависть, сколько неприятие. В третьем издании «Большой Советской энциклопедии» (далее – БСЭ) это выразилось в спокойно-ругательной статье **Троцкизм** и в отсутствии статьи **Троцкий**. Точнее, там есть статьи об архитекторе Н. А. Троцком (1895-

---

¹⁰ В последнем случае была переименована из *Мучи* в *Чапаевку* и река, на которой стоял Троцк.

1940) и филологе-античнике И. М. Тронском (1897-1970); в последней не сказано, что от рождения до 1938 г. он жил под фамилией Троцкий. Смена фамилии была вынужденной; один из его учеников вспоминает: «предисловие к „Илиаде“ было вырезано в Ленинградской Публичной библиотеке¹¹, а имя автора, звучавшее в то время как „И. М. Троцкий“, было в оглавлении замазано черной „икрой“ <...> И. М. Троцкий в шутку советовался со мной <...> какую выбрать новую фамилию: православный вариант „Троицкий“ или монархический – „Тронский“; оставаться Троцким нельзя было, никто бы не стал его печатать» [Эткинд 1999: 216]. Неполнота фактической информации в статье об И. М. Тронском имеет, конечно, эмоциональную подоплеку, но от комментариев я воздержусь, поскольку мой текст привязан к топонимии.

К началу XXI века эмоций, как может показаться, не осталось: в двухтомном «Российском энциклопедическом словаре» (2000, далее – РЭС) есть чисто информативная статья о Троцком, отбор же различных идеологических учений шел по их исторической значимости, поэтому **аум синрикё** и **джадидизм** в словник попали, а *ратана* (одна из синкретических религий новозеландских маори) и *троцкизм* – нет¹². Энциклопедическое издание вправе выбирать, о чем информировать, о чем нет. Но сведения о переименовании должны составлять неотъемлемую часть любой статьи о топониме. В нейтральных случаях это действительно так. Про Рыбинск в БСЭ читаем: «в 1946-57 – Щербаков», в РЭС – «в 1946-57 – Щербаков, в 1984-89 – Андропов». Рекомендация положительных эмоций в адрес покойных партийных деятелей за давностью

¹¹ Где И. М. Троцкий работал в 1924—1940 гг., с 1934 г. — в должности консультанта по общим вопросам библиотечной классификации и комплектованию фондов иностранной литературы по языкознанию [<http://www.nlr.ru:8101/persons/tron.htm>].

¹² Думаю, отсутствие последней статьи — проблема не столько идеологии, сколько квалификации составителей словника. Основанный Л. Троцким IV Интернационал существует и по сей день, правда, в нескольких ипостасях; современному троцкизму (в том числе и в России) посвящен, например № 15 (18) «Политического журнала» (2004). Фамилию, под которой прошла большая часть жизни И. М. Тронского, РЭС также не упоминает, но и тут я не склонен видеть ничего, кроме невысокой квалификации автора текста.

лет стихает, городу возвращают исконное наименование, память о прошлом остается лишь в справочном издании¹³. Но к этому правилу есть два рода исключений: идеологические и эмоциональные.

Начну с идеологии.

Как известно, у Южного Сахалина и Курил было японское прошлое. Было и закончилось, поэтому БСЭ не делала тайны из того, что Южно-Сахалинск ранее назывался *Тоёхара*, Чехов – *Нода*, Невельск – *Хонто*, Макаров – *Сиритору* и так далее. Но вот насколько закончилось японское прошлое у Южных Курил, было еще не ясно (предание о том, что Хрущев твердо обещал их вернуть Японии, было слишком свежо, но новая власть взгляды Хрущева не разделяла), поэтому о Южно-Курильске, а заодно и о Северо-Курильске аналогичных сведений не было. Однако сомнения относительно того, что Курилы — край далекий, но нашенький, исконнорусский, скоро рассеялись. А быть молодцу не укор, было японское — стало советское. В результате из «Советского энциклопедического словаря» (1980, далее СЭС) можно узнать японские названия Южно-Сахалинска¹⁴ и прочего, а также то, что Южно-Курильск ранее звался *Фурукамаппу*, а Северо-Курильск – *Касивабара*. Эта особенность однотомного словаря подтверждает, что ограничения объема не могут служить причиной опущения некоторых стандартно ожидаемых сведений. Время идет, идеология меняется, выходит двухтомный РЭС, где ни про один из указанных пунктов японские названия не сообщаются. Интерпретировать не берусь, но думаю, что дело в идеологии.

---

¹³ В Рыбинске, возможно, и многие жители помнят, когда как назывался их город, но вот в Ярославле областной портал «Центра телекоммуникаций и информационных систем в образовании» [edu.yar.ru/~rkk/today.htm] держит в Интернете страничку «Добро пожаловать в Рыбинск», где утверждается, что город назывался Щербаковым до 1967 г. А за пределами области эти города многие и вовсе считают разными: на сайте с громким названием «Русская культура» [http://www.ruslit-xx.ru/ruslit2/guest/index.html] в биографии А. И. Солженицына сообщается, что он «в 1946—1947 находился в спецтюрьмах городов Щербакова, Рыбинска и Загорска (Сергиев-Посад)».

¹⁴ Патриотические сведения о том, что *Тоёхара* до 1905 г. звался *Владимировкой*, во всех справочных изданиях опущены; за этим вряд ли стоит идеология, скорее малограмотность.

Второй тип замалчивания переименований трудно связать с идеологией. На мой взгляд, он чисто эмоциональный. И, если выше говорилось о государственном внедрении правильных эмоций, то здесь мы имеем дело с проявлением, точнее, с тщательным сокрытием эмоций, которые приписать некому, кроме как самому государству. Эмоции однотипны и располагаются в спектре от неловкости до стыда.

Как известно, число переименований в честь всегда живого В. И. Ленина после его земной кончины было несчетным; среди прочих, в 1924 г. *Ленинском* стал туркменский *Чарджуй*¹⁵, а еще раньше, в 1918 г., так же назвали подмосковный *Талдом*. Но обилие сходных наименований мешало, и уже в 1927 и 1929 гг. обоим городам вернули старые названия. Однако ни в БСЭ, ни в СЭС о ленинском периоде этих городов ничего не сказано. И в самом деле, неловко как-то. Но после того, как с карты исчезли *Ленинград*, *Ленинабад*, *Ленинакан* и прочее, пропала и неловкость: в РЭС эти сведения, в недавнем прошлом казавшиеся неудобными, сообщаются без смущения.

Смущение не всегда связано с личностями. При постройке Транссибирской магистрали значительный ее участок – Китайско-Восточная железная дорога – прошел через Китай, но рельсовый путь и соседние участки получили право экстерриториальности, так что по сути железная дорога границу не пересекала. Когда в начале 1920-х гг. политическая ситуация на Дальнем Востоке стабилизировалась, КВЖД оказалась в совместном управлении СССР и Китая. Но белокитайцы не дремали и совершали одну провокацию за другой, в результате в 1929 г. произошел серьезный вооруженный конфликт и на дороге, и на границе. Красная Армия, естественно, дала китайским милитаристам отпор. *Отпором* называли и прежде безымянный пограничный Разъезд-86. В 1945 г. советские войска заняли оккупированную японцами Маньчжурию, и гордое имя пограничной станции стало памятником боевому прошлому, а с провозглашением КНР в 1949 это название казалось все более неуместным: граница стала символом дружбы братских стран. В 1958 г. поселку подобрали безликое и отчасти вводящее в заблуждение имя

¹⁵ Бульшую часть советского периода назывался *Чарджоу*, в независимой Туркмении — *Чарджев*, а с 1999 — *Туркменабат*.

Забайкальск¹⁶. Впрочем, дружба была недолгой, и ко времени выхода БСЭ советским пограничникам не раз пришлось давать отпор захватническим планам китайских ревизионистов. Ни в этом издании, ни в СЭС старое название *Отпор* не поминается; вероятно, устыдились торопливого переименования. В РЭС Забайкальск не включили (хотя по рангу положено – районный центр с 1966 г.), так что современные государственные эмоции в этом случае остаются неясными.

Из-за некоторых других «грехов прошлого» постсоветская власть испытывает не меньшее смущение, чем советская. Читаем в БСЭ: «**Енакиево**, город в Донецкой обл. <...> Возник в 1883» <...>; то же и в СЭС. Читаем в РЭС (2001): «**Енакиево** (в 1937-43 Орджоникидзе)». Внешне история похожа на талдомско-чарджуйскую, но только на первый взгляд. Г. К. Орджоникидзе весь советский период формально оставался верным ленинцем, но в годы войны была проведена переоценка и покойных, и все еще здравствующих; у некоторых городов наименования были заменены, о чем БСЭ не стеснялась информировать¹⁷: про *Ставрополь* сказано, что в 1935-43 он был *Ворошиловском*, и – что существенно – в статье о городе *Орджоникидзе* вполне откровенно говорится: «до 1931–*Владикавказ*, с 1944 до 1954 – *Дзауджикау*». Так почему же про Орджоникидзе забыли в статье **Енакиево**? Не забыли, просто еще не придумали такую обходительную формулировку, которой воспользовался РЭС. Если кто-то, прочитав статью в РЭС, решит, что этот город иначе как *Енакиево* и *Орджоникидзе* не назывался, то ошибется. В 1928-37 гг. он назывался *Рыково*, в честь одного из организаторов антисоветского правотроцкистского блока. Постыдность этого факта и в постсоветское время не позволила энциклопедистам сообщить о нем массам.

---

¹⁶ От находящегося уже довольно далеко за Байкалом Улан-Удэ до Забайкальска по железной дороге 1011 км.

¹⁷ Не про все, правда. Был в Донбассе такой поселок *Поласная*, в 1938 г., получая статус города, обрел экзотичное название «им. Л. М. Кагановича» — не знаешь, как и писать: *им. Л. М...* или *Им. Л. М...* В 1943 г. ему также вернули название *Поласная*. Об этом БСЭ умалчивает по идейным соображениям: члена «антипартийной группы», исключенного в 1961 из КПСС, негоже помянуть в энциклопедии.

Но с *Енакиевом* нет хотя бы подлога. А вот про *Чапаевск* и БСЭ, и РЭС пишут: «до 1929 – Иващенко», мнение Малой советской энциклопедии образца 1931 г. насчет того, как назывался этот город до 1929 г., см. выше.

Может быть, случайно забыли? Случайно переписали из старого издания? Вряд ли. Вот еще один пример. Читаем в БСЭ: «**Черкесск** (в 1825-1931 – станица Баталпашинская, в 1931-39 – г. Баталпашинск)». Это подлог. Читаем в СЭС (1980) и в РЭС (2001): «**Черкесск** (до 1939 – Баталпашинск, в 1936-37 – Сулимов)». Это тоже подлог. Баталпашинском этот город раз и навсегда перестал называться в 1936 г.; побыв немножко Сулимовом, в 1937 он был переименован в Ежово-Черкесск, каковым и был до 1939 г. Впрочем, термин *подлог* здесь надо понимать метафорически; согласно БСЭ, различаются два вида подлога: должностной подлог и подлог, совершаемый частным лицом. Государство же и энциклопедическое издание ни должностным, ни частным лицом не являются.

Как кажется, мне удалось показать, что приписывание отдельных эмоций государству и его энциклопедическому рупору обладает известной объяснительной силой. Но полный антропоморфизм в этом отношении был бы не уместен: сфера эмоционального у индивида, социума и государства устроена принципиально по-разному. Скажем, понятие *совесть*, о котором в одноименной статье БСЭ сказано: «проявляется (...) в форме эмоциональных переживаний (например, „угрызений С.“)», к государству (и энциклопедическому изданию) неприложимо. Частное или должностное лицо, совершив подлог, может переживать угрызения совести. На долю же государства из фразеологически закрепленного набора «ни стыда, ни совести» остается лишь стыд. А стыд, известное дело, не дым...

Литература

Жучкевич В. А. Общая топонимика. Изд. 2, испр. и доп. Минск: Вышэйшая школа, 1968.

Левашов Е. А. Географические названия. Прилагательные, образованные от них. Названия жителей. СПб: Дмитрий Буланин, 2000.

В. И. Беликов

Поспелов Е. М. Имена городов: вчера и сегодня (1917—1992). Топонимический словарь. М.: Русские словари, 1993.

Поспелов Е. М. Топонимический словарь Московской области. М., 2000.

Эткинд Е. Поздние уроки // Вопросы литературы, 1999, № 4.